

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Образ смерти как стиль жизни

Юрий КАЗАКОВ, эксперт Фонда защиты гласности

"Насилие в этом мире является средством коммуникации, языком межнационального и межличностного общения. Удар в пах - это красноречивый жест. Отрезанная голова "под видеокамеру" - еще более красноречивый месседж"¹. Эта реплика Юрия Богомолова, внимательного наблюдателя и исследователя пространства культуры, - прямая отсылка не столько даже к Маршаллу Маклюэну с его знаменитым взглядом на СМИ как на "послание", сколько к нашему повседневному опыту адресатов некой "черной метки", телезрителей, систематически и беспощадно погружаемых в насилие как повседневный, все более привычный зрительный и слуховой образ.

Метафора "экран-Потрошитель", использованная как-то коллегой Богомолова Валерием Кичиным², уже как бы и не метафора, а диагноз: полгода назад нам показали, настоятельно предложили (и не один раз за вечер) рассмотреть во всех подробностях, под всеми мыслимыми ракурсами трупы сыновей Хусейна, к тому времени - уже побежденного, но еще не схваченного. На обозрение стране был выставлен труп сепаратиста Гелаева: ровно с такими же, как у сыновей экс-диктатора, следами операции по трепанации черепа. Два года назад нам предлагали большую беду - крупно, наездом камеры - в виде залитых кровью людей, выносимых из перехода на Пушкинской площади. Месяц назад объектом внимания телекамер оказались жертвы взрыва в московском метро. Вчера же за патологоанатомическим "гелаевским" сюжетом следовали сюжеты с растерзанными телами погибших и покалеченных при взрывах в двух иракских городах³.

Кто-то сомневается в том, что завтра увидит на экране новые "фрагменты тел" и лужи крови: в новостях ли, в криминальной ли хронике? Кто-то полагает, что на этот раз его не забудут предупредить заранее о том, что именно будет показано следом, объявят давно уже открытую в качестве механизма зрительской самозащиты 30-секундную отсрочку, позволяющую увести детей от экранов (или просто переключиться на другой канал, осуществляя тем самым свободный выбор обладателя "кнопки")?

"Некоторым коллегам в силу профессиональной привычки к трагедиям и катастрофам, видимо, кажется, что по-настоящему "взять" зрителя можно лишь леденящими душу подробностями и предположениями о масштабе беды, несопоставимыми с оценками компетентных специалистов, оказывающихся на месте события". Этой репликой Ирины Петровской (ее "теленедельный материал", из которого взята цитата, назывался "Смотреть телевизор страшнее, чем жить"⁴) я, предупреждаю на всякий случай, всего только отдаю дань усилиям медиа-критики и медиа-критиков, пытающихся выставить зеркало "зеркалу", безусловно, перегруженному трупами и взрывами. Признавая необходимость и обязательность таких усилий, я все же сознательно не перевожу в данном случае дискуссию в плоскость поиска или обозначения вины заэкранных "плохишей": то ли полупрофессионалов, не знающих, как должно работать с темой насилия, то ли заведомых отморожков, цинично скармливающих под "покадровое отрезание голов и запись крика матери разорванного ребенка бленда-мед, жвачку, какие-то повязки, прокладки, туфли, духовки" (цитирую известный публицистический вскрик М.М. Жванецкого "Пишущему и показывающему"⁵).

Разделяя беспокойство, досаду и даже гнев тех, кто сегодня печатно обличает телевизионщиков, убеждая и их, и нас, телезрителей, в том, что "так работать нельзя",

я в данном случае сознательно удержусь от добавления голоса в этот праведный хор. Как удержусь и от того чтобы цитировать и трактовать существующие в различных странах (и в России, в том числе) профессионально-моральные нормы, направленные на перенасыщение насильем медийного пространства. Призванные минимизировать издержки "хищного века", до приемлемой психикой концентрации понижать градус насилия, переводя его в образ, находящий место в эфире или на полосе печатного издания, эти нормы действительно есть, не со вчера существуют и кое-где достаточно успешно действуют. Но нам-то от этой констатации не жарче и не холоднее - вот беда, и не только для эксперта по проблемам профессиональной этики.

Последнее из сказанного - то самое "а", за которым требуется непременно выговаривать "б". Не имея намерений предлагать некую концепцию борьбы со вселенским злом, рискну обозначить несколько позиций, связанных с проблемой "засилия насилия".

Начну с двух реплик. Первая - привычно обсуждаемый "культ насилия" на российских телеканалах сегодня было бы справедливо поделить на две составляющие, на две пересекающиеся, но не поддающиеся унификации, не идентичные культуры: предлагающих насилие как эфирный образ, повседневное блюдо из далеко не только новостной части условного многоканального телеменю - и готовых этот образ получать, усваивать, перерабатывать в образ и стиль собственной жизни. Вторая реплика - даже и эту гипотетическую и непременно разделяемую (в какой пропорции - предмет особого анализа) ответственность за ситуацию я бы не обсуждал, как минимум, до обсуждения самого предмета нашего общего беспокойства, то есть насилия как такового. С обязательной проекцией общего на частное - на восприятие именно современного насилия в конкретное время и в конкретной стране, именуемой Россией.

Словарь Ожегова рассматривает насилие как "применение силы к кому-либо, принудительное воздействие на кого-либо и притеснение, беззаконие". Не удовлетворяясь этим толкованием и держа в сознании постоянную, зримую связь насилия с агрессией и жестокостью, давайте договоримся поначалу о том, что насилие - социальный феномен, проявляющий себя как один из встроенных механизмов мироустройства и мироизменения.

Готовым возразить предлагаю поискать в языке смысловую оппозицию понятию "насилие". Не настаиваю, но полагаю поиск этот безнадежным: естественной альтернативы насилию в языке нет, как нет ее в природе. "Неестественные" альтернативы, социальные конструкции, минимизирующие издержки грубой силы, ее диктат (как реализацию идеи и логики вседозволенности) создаются людьми, человеческими общностями. Но и здесь нет идеальных ситуаций: уже потому, что насилие встроено в жизнедеятельность государства, без него не обходятся ни диктатура, ни демократия. Хотя развитая, продвинутая демократия специально занимается проблемой защиты малых групп от притеснения со стороны большинства, но проблема эта, по большому счету, не имеет разрешения. Взаимоотношения "большинства" и "меньшинства" разве что выходят на какой-то относительно устойчивый баланс сил и интересов, охраняемый - угрозой применения насилия - все тем же государством.

Добавлю к сказанному, что насилие я бы не рассматривал как некую внекультурную территорию. Это другая, иная культура или контркультура, предполагающая прививку (властью, прессой, традицией, установленной системой взаимодействия субъектов) своего рода "гена агрессии" на конкретную, определенную почву национального или группового сознания. Говоря о новейшем опыте человечества, в том числе об опыте его существования с такими мощными детекторами, усилителями, но порой и генераторами волн насилия, как средства массовой коммуникации, мы имеем в виду,

как правило, проанализированный в свое время специалистами, но мало известный широкой публике опыт и механизм перенесения "гена насилия" в массовое сознание пропагандистской машиной гитлеровской Германии. Можем ли мы сказать, что лучше знаем историю функционирования силового направления пропаганды в собственном доме, в бывшем СССР? Понимаем ли, учитываем ли, как срабатывали пропагандистские "катапульты", обеспечивавшие "патриотические" настроения, фактически обеспечивающие психологию феномена насилия в США времен, в том числе много более поздних, чем после Перл-Харбора? Seriously ли представляем себе, как работает в Америке массовое сознание, находящееся под прессом эффекта 11 сентября, не проходящим в силу длящейся угрозы новых терактов, неизбежной "герметизации" демократии, в том числе под давлением призывов поступиться "излишками" свободы ради установления необходимого минимума безопасности? Задаем ли всерьез вопросы о том, какое будущее ждет Россию, сознание детей в которой все более основательно формируется с обозначением внятного, с конкретными этническими приметамы образа врага, безжалостного террориста, готовности к "плохому" насилию, которому можно противопоставить только встречное (в том числе, превентивное) "хорошее" насилие?

Говоря о тех, кто "прилипает" сегодня в России к телеэкрану во время показа сцен насилия (а таких в числе зрителей незначительное, но все-таки большинство во всех возрастных группах), кто не переключит каналы, в том числе и после объявления 30-секундной отсрочки от страшного кадра или сцены, отметим: то, что насилие обладает свойством завораживать - не новость. Зримые проявления этого феномена сочетают эффектность, зрелищность (отзывается биология) с эффективностью, пусть сугубо внешней. Что касается зрелищности: не забудем не только то, что она котируется со времен древнего Рима наравне с хлебом, но и является важным элементом игры, на которой держатся и современный мир в целом, и массовая коммуникация - несомненно, самая большая игра эпохи постмодерна.

Смотреть на институты, поддерживающие эту игру, как на своего рода виртуальные суперфабрики по производству и завтрашнего насилия, в том числе, не просто полезно, но необходимо, - особенно в такой стране, как Россия. Так уж случилось, что Россия, расширявшаяся как молодая империя, была на протяжении столетий носителем гена насилия, даже и тогда, когда как бы призывалась историей заполнить вакуум или послужить инструментом восстановления справедливости на какой-то территории: штыки в российской истории сыграли роль не меньшую, чем в английской или французской: при всех различиях в становлении самих империй. Добавим к этому такую национальную специфику, как культивируемое (исторически мотивированное, но что это меняет в сути дела?) в народе представления о свободе как воле и бунте. Не забудем о теории и практике классовой борьбы, о воплощении в жизнь идеи диктатуры как узаконенного насилия одной части населения над другой, способа и культуры управления народом, внедрявшегося, прививавшегося самыми разными способами - и усвоенного массами - понимания социальной справедливости, установленной, в том числе, законом системы взаимоотношений граждан и групп граждан.

Апология насилия - обозначая так сам способ установления баланса справедливости во времена перехода от империи к специфической советской республике, не забудем о том, что и по сей день значительная часть населения бывшей советской страны считает ту "справедливость" подлинной, а применение насилия при ее установлении (в том числе, в виде гражданской войны) - необходимой, а потому оправданной. Постсоветская Россия не стала страной массового покаяния; ответственность за внутреннее кровопускание всегда переключалась массовым сознанием, в лучшем случае, на некие "верхи" - с решительным снятием большинством личной ответственности с себя и своих близких.

То, что мы имеем в итоге в массовом сознании, в общественных настроениях, представляет собой гремучую смесь: сочетание социальной (гражданской) дистрофии с общенациональным и межнациональным раздражением, тотальным, пропитывающим самые разные общественные слои ощущением несправедливости.

Это состояние умов и представлений о сущем и востребуемом, поддерживаемое и модерируемое властью (а "мочить в сортире" - это не просто вербальное проявление определенных ментальных установок, но и определенный знак тем, кто готов если и не лично принять участие в одобряемом действе, то поучаствовать в мультипликации определенных, задаваемых представлений о способах решения конфликтов), было бы неверно и опасно рассматривать в качестве "настроений часа". Являясь в какой-то мере следствием и инструментом поддержания квазибаланса "интересов страны" времен продолжающейся войны в Чечне, режима кризисного государственного управления (следствием, но и механизмом реализации которого является "управляемая демократия", предлагаемая в качестве модели, призванной обеспечивать одновременно и стабилизацию, и развитие, и свободу, и безопасность), это состояние обещает быть длительным уже потому, что у насилия на российской территории появился действительно достаточно устойчивый, настоящий, а не мифический носитель.

Можно спорить, кем именно является современный террорист - прежде всего мстителем или мстителем в том числе, но сам факт появления "людей-бомб" представляет для России колоссальную опасность, угрозу, несопоставимую с угрозой самих терактов, как бы драматически это ни прозвучало. Превращение фантома террора (мешок с гексогеном - и находящийся на отдалении, в относительной безопасности террорист-"оператор") в образ террора, образ смертника-добровольца, а с ним - "обытовление" образа гибели случайных людей, жертв по воле случая, ломает запреты на "неозверение" склонного к насилию, но вынужденного подчиняться определенному государственному и общественному порядку. Образ "внезапной" и при этом заведомо страшной, мучительной смерти от руки "живой бомбы", внедряясь в жизнь, прорывает во многих умах и сердцах шлюзы, сдерживающие напоры внутренней, подавляемой годами социальной и психологической агрессии.

Через "освящение" по сути любого акта возмездия, через оправдание насилия в качестве средства, как бы безоговорочно справедливо применяемого ко всему и вся, где может гнездиться угроза общественной безопасности, насилие из латентной формы способно "выпрыгнуть", приобрести характер массовой реакции.

"Тренировку" самой этой реакции, ее модераторов и тестирование общества на жизнь с насилием не первый год ведут в России экстремистские, в том числе откровенно расистские по установкам группы и группировки. "Обытовление" насилия - мощная поддержка их идеологии и практики, обеспечение прилива к ним новых волн сторонников-соратников-бойцов.

Невозможно предположить, что на это самое "обытовление" будет спокойно смотреть армия - воплощение сдерживаемого до поры вооруженного насилия: "подталкивающее" давление ее наиболее мобилизованной психологически, наиболее милитаризованной "верхушки", несомненно, ощутит на себе гражданская власть.

Но это все, что называется, другая, особая тема, пусть и чрезвычайно важная для каждого из собирающихся продолжать пока жить.

Непосредственно интересующая нас тема - взаимосвязь с феноменом насилия средств массовой коммуникации, если принимать во внимание обсуждаемое воздействие насилия на психологию сотен миллионов людей в виде художественных

фильмов и других программ или тех телешоу, где насилие является частью, элементом развлечения.

Не отвлекаясь в данном случае на фильмы и шоу, замечу, что система средств массовой коммуникации, как представляется, уже выполнила свою функцию носителя "эффекта прайминга"⁶, не имеющую ничего общего ни с одной из известных миссий (информационной, посреднической и т.д.), признаваемых для нее родовой, а потому органичной. Не проявив себя во время второй чеченской войны (не проявив в массе, поскольку известные исключения только подтверждают это новое правило) полноценным носителем комплекса прав человека, идеи гражданского противостояния вооруженному насилию⁷, российские СМК в то же самое время последовательно приучали сограждан к актам бытового насилия ("криминальная хроника"), к большой и малой крови как норме дня, прививая зрителю и читателю установку на определенное восприятие насилия и по манере подачи материалов такого рода отучая сограждан от сострадания.

Тут перед нами возникает неизбежный и очень серьезный вопрос о типе, характере, идеологии самопредставлении современного массового коммуникатора. Кто он в современном мире, перенасыщенном рисками и бедами, - общественный деятель, носитель идеи "меньшего зла"? Холодное, не позволяющее себе перегреваться (чтобы не исказить параметры "оптики") зеркало, добросовестный информатор? Историограф карамзинского склада, стремящийся расставить акценты "к интересу и пользе потомков"? Историк-художник, предъявляющий картину того же насилия как полотно с заведомо утяжеленной, увеличенной концентрацией зла, искренне убежденный, что без такого сгущения красок человечество в целом и конкретный зритель в частности не раскочерится, не привстанет со своего дивана, не проявит рефлексии и воли с этим самым злом схватиться? Пропагандист и агитатор, работающий в рамках определенной, заданной (не обязательно государством) модели, неизбежно предполагающей манипуляцию информацией и ее пользователем? Воспитатель, полагающий себя знающим и имеющим право кого-то воспитывать, судить, наказывать за непослушание? Носитель "просвещенного" отношения к жертве, приносимой, в том числе, во имя минимизации зла насилия?

Как представляется, пора заново начинать обсуждать с журналистами тему личного позиционирования профессионала. Это серьезная проблема: под давлением внешних обстоятельств - например, того же насилия в его реальном выражении - и под давлением "общественности", привыкшей экранное насилие потреблять, грозят быть окончательно размытыми и без того трудно приживающиеся в России фундаментальные принципы качественной информационной журналистики, такие как нейтральность и беспристрастность коммуникатора. И наоборот, грозит оказаться резко поднятой угроза встроенного умысла, заведомо ангажированного целеполагания, заложенная в канву наших представлений о массовой коммуникации.

При том что проблем не то чтобы не рассмотренных, но даже и не поименованных словом, за рамками обсуждения темы "Насилие и СМИ" остается море (упомяну разве что проблему заложничества журналиста, перетираемого жерновами долга, интереса, давления власти, требований зрителя или читателя, и проблему надлежщего эксперта, на решение которой может быть ориентирован только действительно профессиональный журналист).

Завершу все уже сказанное двумя цитатами. Первая из Юрия Богомолова - прямое продолжение цитаты из материала "Другая мировая война": "Сегодня именно насилие - средство массовой коммуникации, а не электронные СМИ. Последние - всего лишь технология распространения тех смыслов, что содержат насилие"⁸.

Вторая цитата - из также уже упоминавшегося материала Валерия Кичина. Рассматривая эффект "привязанности" зрителя к хорошим фильмам-катастрофам, он заметил: "В хорошем фильме-катастрофе зрителей привлекает не только пожар в небоскребе или апокалиптические картины землетрясения, но еще более - то, как приходят в действие человеческие резервы и как герои выводят бедствующих к свету в конце туннеля. Это законы рынка, братцы. И он гласит, что самые рейтинговые категории - не бессовестность, а совесть, не бедствие, а его преодоление, не преступник, а герой". И далее: "Можно, конечно, вернуться к идее запретов на "негатив". В СССР было хорошо: там не падали самолеты, не горели шахты и небо над Москвой всегда было солнечным". Напоминая, что при всем при том "наш СССР гикнулся", Кичин заканчивал свой комментарий так: "Масс-медиа, которые понимают себя как бизнес, - норма. Масс-медиа, которые понимают себя только как бизнес, - катастрофа для общества. Но это уже - другой поворот актуальной темы"⁹.

Подписываясь под всем только что процитированным, специально выделю словосочетание "человеческие резервы".

Полагаю, что журналистике пора обращаться к ним, в том числе за защитой свободы присутствия журналиста в мире. По сути дела, защита "резервов" одновременно с защитой собственной свободы - одна из самых трудных задач и один из самых драматических моментов для журналистики вообще и нашей прежде всего. То небольшое оперативное пространство, которое есть у журналиста, - это свобода слова. Как бы мучительно это ни было для общества, как бы парадоксально ни проявляло себя - это то пространство, на котором экспериментирует человечество, другого пространства для привыкания к будущему у мира просто нет.

Когда наш новый законодатель всерьез обсуждает законопроект, предполагающий ограничение показа сцен с элементами жестокости и насилия тем же временем, что и эротических фильмов (либо с кодированием сигнала, либо с 11 часов вечера до 4 утра), когда он, этот законодатель, всерьез обсуждает запрет на информацию с места, где происходит очередная трагедия, он расписывается в тотальном культурном невежестве, в непонимании основ информационного миропорядка. Но и профессиональная корпорация, забывающая о том, что журналистика не может быть только бизнесом, не обсуждающая всерьез именно профессиональных правил работы с материалами, содержащими информацию об актах насилия, не принимающая таких правил и не побуждающая своих членов выполнять их силой честного слова, вряд ли может быть признана корпорацией профессиональной.

Свобода слова - едва ли не самая легкоразрушаемая из свобод. Но и едва ли не самая разрушительная, если отсутствует взаимопонимание коммуникатора и адресата его посланий.

Было время, когда "код" этого общения вырабатывали сами СМИ.

Заведомо не будет проку в попытках заполучить этот "код" от читателя и зрителя - тут возможна, разве что, сумма кодов. Да и со свободой слова в этом случае может оказаться туговато в стране.

Ждать ли, что свой "код" навяжут и СМИ, и обществу носители идеи и инструментария насилия, те же террористы?

Полагаю этот вопрос не таким уж фантастическим, хотя пока что скорее риторическим. Видимо, новый "код" российских СМИ может быть выработан только дважды конвенциональным, скажем так, путем: поиском оптимума, точки компромисса СМИ между собой и СМИ с обществом. И путь этот имеет сегодня реальную,

установленную по факту точку отсчета - выраженную необходимость разработки рамочных правил освещения в прессе сцен насилия. Отвечающих, подчеркнем это обстоятельство специально, природе и задачам массовой коммуникации, а не пытающихся "преодолеть" эту природу и произвольно переформировать эти задачи.

Есть ли основания для постановки вопроса таким образом? Решительно есть - от моральных до технологических.

Если ли уверенность, что вопрос будет переведен в формат практической задачи? С этим сложнее. Но, как говорил Станислав Ежи Лец: "Легче всего перевешать марионеток: веревки уже готовы"[10](#).